

Южная ночь сияла мириадами звезд.

Казалось, что на черном бархате неба, как в витрине гигантского ювелирного магазина, разложили тысячи алмазных коле и браслетов, серег и перстней. Но даже у самого богатого человека в мире не хватило бы денег, чтобы купить самое скромное из этих украшений.

Внизу, под сияющим звездным небом, тихо дышал океан.

По его бесконечной поверхности величественно скользил многопалубный круизный лайнер, сверкая огнями кают и ресторанов, казино и концертных залов. В ночной тиши далеко разносились музыка, смех, голоса. Океанская гладь послушно расступалась перед форштевнем огромного корабля и смыкалась за его кормой, оставляя позади пропадающий в темноте фосфоресцирующий след.

На капитанском мостике стоял дежурный офицер Джон Панайотис. Его вахта приближалась к концу. Взглянув на часы и убедившись, что до смены осталось двадцать минут, он посмотрел в темноту впереди по курсу. Ему показалось, что слева по ходу корабля мелькнул какой-то темный силуэт, то ли большая лодка, то ли маленькое рыбачье судно, но это казалось маловероятным: сейчас они проходили так далеко от

берега, что вряд ли можно было встретить рыболовную шхуну, не говоря уж о лодке. И в любом случае рыбаки обязательно зажгли бы бортовые огни.

— Тук-тук! — раздался за спиной вахтенного кокетливый женский голосок, и на пороге показалась горничная Нэнси с бокалом в руке. — Вам здесь не скучно, мистер Панайотис? Не хотите ли выпить капельку мартини?

Конечно, это был беспорядок, но Панайотис не был рабом дисциплины. В конце концов круизный лайнер — не военный фрегат, да и Нэнси — очаровательная девушка.

Джон повернулся к ней и протянул руку за бокалом.

В это самое время четыре узкие лодки в полной темноте и тишине подошли к борту лайнера. Гребцы бесшумно подняли весла, с которых падали светящиеся капли. На носу первой лодки поднялся высокий человек в камуфляжной куртке с нашивкой на рукаве. Он, вскинув голову, оглядел борт лайнера, затем поднял руки и сделал несколько широких взмахов, напоминающих морскую семафорную азбуку.

Тотчас на второй лодке вскочил темнокожий парень, вскинул арбалет и выстрелил вверх. Стальная стрела с крючьями на конце взвилась вдоль борта лайнера и зацепилась за поручни фальшборта. За стрелой тянулся тонкий капроновый трос с узелками. Проверив, что трос закреплен надежно, стрелок ухватился за него и ловко, как обезьяна, вскарабкался на шлюпочную палубу лайнера. Там он прикрепил к фальшборту веревочную лестницу и сбросил ее в темноту.

В пятидесяти метрах от него второй человек проделал то же самое, и меньше чем через минуту два десятка вооруженных до зубов парней уже взбирались по лестницам на лайнер.

Служебная дверь открылась, и мужчина в белоснежном кителе вышел на шлюпочную палубу. Увидев

возле борта темный силуэт, он строго окликнул незнакомца:

— Матрос, что вы тут делаете?

Тот обернулся, сверкнул белками глаз, изобразил испуг.

— Мистер Джонсон приказал мне проверить крепления шлюпок! — отчеканил он на очень плохом английском.

— Сэр! — строго проговорил офицер. — Вы забыли добавить в конце «сэр»!

Он хотел еще спросить, кто такой мистер Джонсон, но не успел это сделать.

— Так точно, сэр! — ответил матрос на своем ужасном английском, и в ту же секунду неуловимым движением бросил в офицера нож.

Офицер удивленно вскрикнул, схватился за горло и упал на палубу мертвым.

В ту же секунду через борт корабля перевалился первый из тех, кто карабкался по лестнице, за ним — еще один, еще...

Арбалетчик обменялся с ними короткими фразами на непонятном языке, схватил мертвого офицера за ноги и, оттащив его в сторону, накрыл брезентом.

Вооруженные люди разбежались по кораблю.

Надя проснулась внезапно, будто ее выбросило из сна, как волна выбрасывает усталого пловца из моря на берег, на ровный и плотный золотистый песок, усеянный раковинами и темно-зелеными кудрями водорослей.

Она села в кровати и какое-то время не могла понять, где находится. Это была не ее спальня, не ее квартира. Здесь было тесновато, напротив постели висело незнакомое зеркало в пышной позолоченной раме, да и сама постель незнакомая. Тут она увидела справа овальное окно иллюминатора, и до нее дошло — ведь

это корабельная каюта, она находится на круизном лайнере, они с Олегом в круизе...

Но тогда где сам Олег?

И еще одно... каюта была незнакомой, их с Олегом каюта казалась поменьше, и в ней не имелось этого вычурного зеркала, и, в довершение ко всему, на самой Наде какая-то незнакомая шелковая пижама, расшитая цветами и бабочками.

И тут она вспомнила вчерашний вечер, свою новую знакомую, вспомнила, как официант пролил на ее платье красное вино, вспомнила...

Она еще многое вспомнила бы, если бы ее не охватила вдруг смутная тревога.

На корабле происходило что-то странное.

Во-первых, молчали машины. Не было их ровного, неумолчного гула, которого почти не слышно, настолько он за эти дни стал привычным, обязательным, необходимым. Как биение сердца. Как дыхание. Собственно, машины и были сердцем корабля, и если они остановились — значит, произошло что-то непоправимое...

Надя прислушалась к доносящимся из-за двери каюты звукам, и тревога ее усилилась.

Испуганные голоса, топот ног, крики... А потом раздался совсем неожиданный звук. Как будто взрывается множество петард — пах-пах-пах... Но откуда здесь петарды? Надя с ужасом поняла, что это была автоматная очередь.

— Что происходит? — проговорила она вслух, и от звука собственного голоса ей стало еще страшнее.

И тут за дверью раздался топот многих ног, и в дверь постучали.

— Откройте, пожалуйста! — проговорил по-английски незнакомый вкрадчивый голос.

Надежда закусил губу, подтянула колени к подбородку, вжалась в спинку кровати.

— Пожалуйста, откройте! — повторил тот же голос и тут же выкрикнул, потеряв терпение: — Открывай, сука! Мы знаем, что ты здесь!

Надя вскочила, заметалась по каюте, бросилась к иллюминатору...

Он был плотно закрыт, как говорят моряки — задраен, за ним виднелось предрассветное море, тускло отсвечивающее зеленоватыми фосфорными отблесками.

На дверь обрушились тяжелые удары, уже несколько голосов наперебой выкрикивали:

— Открывай, сволочь! Хуже будет!

Вдруг удары прекратились, раздалось негромкое женское всхлипывание, и прежний вкрадчивый голос проговорил:

— Вот эту дверь, мисс... уверяю, мисс, вам нечего бояться! Совершенно нечего!..

И тут же дверь с легким щелчком открылась.

В каюте, и так не слишком просторной, стало тесно от ввалившихся в нее людей. Это были чернокожие мужчины в шортах и выгоревших куртках, обвешанные оружием, с блестящими белками глаз. Среди них выделялся один, постарше и посolidнее, с яркой нашивкой на рукаве. Чуть в стороне жалась девушка в порванной униформе корабельной горничной, с растрепанными волосами и синяком под глазом. Она всхлипывала, размазывая тушь. Надежда поняла, что эта напуганная девчонка своим ключом открыла дверь каюты.

Впрочем, ей сейчас было не до горничной. Ее обступили чернокожие бандиты, ухмыляясь и плотоядно сверкая глазами, они хватали ее за руки, за грудь. Старший прикрикнул на них, бандиты утихомирились, нехотя отступили, переключившись на горничную. Старший схватил Надежду за плечо, потащил

к выходу, проговорил с прежней вкрадчивостью, противоречащей грубости его манер:

— Пойдемте, мисс, с вами хочет поговорить один джентльмен!

— Я никуда не пойду! Я ни с кем не хочу говорить! — бормотала Надя, понимая, что ее слова не имеют никакого значения.

— Пойдешь, сука! — прошипел мужчина и выволок ее в коридор.

Скоро они оказались на прогулочной палубе.

Здесь собралось уже множество пассажиров — полуодетые, перепуганные, растерянные, они толпились, как овцы. А вокруг стояли темнокожие парни с автоматами...

Надя думала, что ее сейчас бросят в эту толпу, однако провожатый отвел ее в другую сторону, втолкнул в гостиную, где по вечерам играл пожилой пианист.

Сейчас в центре гостиной стояла кучка пассажиров — жалкие, униженные, полуодетые люди — мужчины и женщины. Надя узнала величественную английскую старуху, которая занимала каюту люкс на самой фешенебельной палубе, как-то они с Олегом ужинали за соседним со старухой столиком в ресторане, и официант проговорился, что эта женщина из очень-очень известной семьи. При этом он поднял глаза к потолку и постоял так немного, чтобы русская пара прочувствовала серьезность момента. Олег тогда хмыкнул и спросил, что же такая футы-нуты дама делает в обычном круизе с обычной публикой — с ее-то миллионами. Надя перевела послушно — ее муженек по-английски знал только одно слово — о'кей.

— Кто говорит о миллионах, мадам? — официант поднял брови. — Речь шла о происхождении...

Надю бросило тогда в жар от стыда, она даже не стала переводить Олегу — все равно не поймет.

Сейчас старуха выглядела совершенно невозмутимо и, что характерно, была полностью одета и причесана аккуратно, будто и не ложилась. В ушах были серьги с крупными бриллиантами: старуха носила их всегда, не снимая. На лицо был наложен скромный макияж.

Был в группе еще богатый русский, которого Олег почему-то терпеть не мог. Они частенько встречались в казино, и русский всегда делал очень большие ставки, а если проигрывал, то ни капельки не расстраивался. Олег мучительно завидовал его богатству. При русском находилась его спутница — роскошная девица с умопомрачительными формами. Над грудью и лицом явно поработал пластический хирург, причем очень дорогой.

В отличие от старухи, пластическая девица была явно не в форме. Волосы сваялись в колтун, под глазом размазана тушь, руки тряслись. На ней были полупрозрачный короткий халатик, вымазанный отчего-то мазутом, и вечерние туфли, причем у левой начисто оторвался каблук, отчего девица кренилась на один бок.

Надя посмотрела на свои собственные ноги — она была босиком. Что ж, лучше так, чем без каблука. Она хотела подойти к группе пассажиров, но чернокожий пират грубо ткнул ее автоматом в спину — назад, мол, стой, где стоишь.

Надя пошатнулась и оперлась о рояль.

По вечерам немолодой пианист играл здесь старые песни и подпевал иногда чуть хриплым голосом. В салоне собирались в основном пожилые английские пары, пили легкие коктейли, слушали музыку, немного танцевали. Надя иногда пряталась тут в уголке, когда Олег уж очень выводил ее из себя. Здесь можно было не бояться пьяных шведов, никто не приставал к ней с пустыми разговорами.

Теперь трудно было поверить, что всего несколько часов назад тут было так спокойно и уютно. Атмосфера в салоне была наэлектризована, казалось, малейшая искра может вызвать взрыв.

За дверью послышался шум, раздались выстрелы, и в салон, громко чертыхаясь, ввалились еще несколько бандитов. Один был особенно черным, и глаза его с яркими белками все время вращались сами по себе. Он что-то сказал своим на непонятном языке, те рассмеялись, затем начали обыскивать пассажиров. Когда подошли к старухе, та выпрямилась гневно и отвела жадные руки.

— Прочь!

И вытащила серьги из ушей, бросила их на пол. Тот, страшный, с дикими глазами, рванулся к старухе, хватаясь за автомат. Они постояли, меряя друг друга взглядами, негр отвернулся первым. Серьги подобрал другой. Богатый русский без слов дал себя ограбить, насмешливо поглядывая по сторонам. Его девица пыталась визжать, когда жадные руки обшаривали ее тело, он и бровью не повел.

Весело переговариваясь, бандиты набили деньгами и драгоценностями брезентовую сумку, затем, повинаясь приказу страшного, глаза которого побежали куда-то на лоб и едва не скрылись в волосах, похожих на свалывшуюся шерсть, выскочили из салона, но тут же вернулись, прихватив Надю.

— Но у меня ничего нет... — забормотала она, — совершенно ничего... куда вы меня ведете?

И правда, она осознала, что на ней нет никаких украшений — ни серег в ушах, ни колец на пальцах. Надя не очень любила бляжечки, серьги дорогие были только одни — подарок Олега на свадьбу. И два кольца — обручальное и еще одно, с небольшим бриллиантом. В первый год после свадьбы Олег дарил ей

подарки — на день рождения, на Рождество... В круиз она взяла только эти вещи.

Но куда же все это делось? Обручальное кольцо вообще можно было с трудом снять... Все было как в тумане, вчерашний вечер Надя помнила смутно, ночь вообще выпала из памяти, как провалилась. Да и некогда было вспоминать...

На палубе пираты кидали в шлюпки какие-то тюки и сумки, появился главный, который ворвался в каюту к Наде. Он был чем-то озабочен и торопил своих, крича что-то на незнакомом языке. Пираты зашевелились быстрее.

В толпе пассажиров послышались крики и движение, тот страшный заорал что-то, и глаза его едва не выскочили из орбит. Он выстрелил, из толпы послышался стон, люди шарахнулись в сторону. Наде показалось, что мелькнуло лицо мужа, она вырвалась из рук своего конвоира и кинулась в толпу.

— Олег! — кричала она. — Помоги!

Но это был не Олег, просто человек, немного похожий на него. Надю грубо схватили за плечи и выдернули из толпы. Она пронзительно визжала и извивалась, когда ее тащили к борту, она поняла, что пираты зачем-то хотят взять ее с собой. Дикий страх придал ей силы, так что двое здоровых мужчин удержали ее с трудом.

— Ну и стерва... — с досадой пробормотал главный. — Придется тебя нейтрализовать.

У него в руках оказался шприц, Надю кольнуло что-то в предплечье, и она мгновенно потеряла сознание.

Надя проснулась от солнца, бьющего в глаза, инстинктивно прикрыла лицо рукой, села.

Она лежала на груди соломы в жалкой хижине с земляным полом и единственным незастекленным

окном под самым потолком. Через это окно и светило разбудившее ее солнце.

Она была в застиранных шортах цвета хаки и такой же рубашке с короткими рукавами.

Это не ее одежда... вчера она была одета совсем иначе...

Надя вспомнила прошлую ночь, пробуждение в чужой каюте, нападение пиратов на корабль. Вспомнила толпу пассажиров, в страхе теснящихся на палубе, темнокожих парней с автоматами. Вспомнила, как ее волокли к лодке, как она кричала и вырывалась, как ей вкололи что-то шприцем...

Выходит, ее похитили пираты? Выходит, это они переодели ее, пока она была без сознания?

Надя представила, как ее трогали чужие грязные руки, и почувствовала отвращение. И вместе с тем — удивление.

Почему пираты похитили именно ее?

Она не богата, за нее вряд ли кто-то заплатит выкуп...

Ее собираются продать в какой-нибудь ближневосточный бордель? Но почему именно ее, и почему только ее? Надежда не обольщалась насчет своей внешности, на корабле было полно женщин моложе и привлекательнее ее. И где, в конце концов, она находится?

Бесконечные вопросы теснились у нее в голове, и ни на один из них она не могла ответить. Она села на своем жестком ложе. Голова не болела и даже не кружилась. Не было звона в ушах, только небольшая слабость да сухость во рту. Как видно, препарат, что вкололи ей перед тем, как бросить в лодку, оказался без побочных эффектов.

Надя встала, подошла к двери хижины, толкнула ее. Дверь заперта снаружи, но казалась на вид такой

хлипкой, что ее нетрудно было высадить плечом. Надя поднажала...

И чуть не свалилась, потому что дверь неожиданно открылась, и на пороге хижины появилась толстая чернокожая женщина в длинной цветастой юбке, в хлопчатой кофте, едва не лопающейся на мощной груди, с деревянным подносом в руках. На подносе лежало несколько лепешек, незнакомый фрукт, стоял глиняный кувшин. За юбку женщины держался голый мальчуган лет пяти, грязный палец засунут в рот. При виде Нади он изумленно вылупил глаза.

Женщина поставила поднос на пол и обратилась к Наде с длинной выразительной фразой на незнакомом языке, изобилующем низкими гортанными звуками.

— Не понимаю... — ответила Надя по-английски.

— Есть, — проговорила негритянка на том же языке, и на всякий случай показала пальцем на лепешки, а потом поднесла руку ко рту характерным жестом.

Видимо, она израсходовала весь свой запас английских слов, потому что снова разразилась длинной непонятной тирадой.

Есть Наде не хотелось, но она поблагодарила негритянку и даже вымученно улыбнулась ей — решила на всякий случай попытаться наладить контакт. Во всех американских фильмах советуют так делать.

Мальчишка вытащил палец изо рта, подергал мать за юбку, направил обслюнявленный палец на Надежду и что-то спросил у матери. Та ответила коротко, отвесила ребенку подзатыльник и, повторив свое единственное английское слово — «есть», — медлительно развернулась и направилась к выходу.

Через ее плечо Надя выглянула наружу.

У порога хижины стоял высокий чернокожий парень в длинной красной юбке, с автоматом на плече.